

Прошло несколько дней, и в Кайфыне выпал первый лёгкий снег. Таверны и жители города засуетились — пришло время зимней засолки и вяления, чтобы запастись на зиму. Погода становилась суше, и это было идеальное время для приготовления вяленого мяса. Даже в этом глубоком переулке у Императорской академии витал густой аромат.

Учёные, жившие в двух рядах постоянных дворов, постепенно заметили, что в конце переулки появились новые жильцы. Худощавый, изящный юноша с красивой служанкой и двумя мальчишками, одним постарше, другим помладше, сняли ту узкую и ветхую лавку. Воспользовавшись свежей погодой после снегопада, они неустанно трудились внутри и снаружи.

В постоянных дворах жили учёные, провалившие столичные экзамены. Многие из них были из далёких краёв, и после первой неудачи они решали остаться и «повторить курс» до следующих экзаменов, чтобы не тратить время на дорогу туда и обратно, а заодно посетить известных мужей, повидать мир и подружиться с учёными столицы.

Эти несколько переулков находились совсем близко к Государственной академии, Императорской академии и нескольким другим учебным заведениям, поэтому пустых комнат здесь было мало, и они всегда были забиты до отказа.

— Тань Чжифэн? Тань Чжифэн, не притворяйся, что не слышишь. Потрогай эти столы, стулья, стены и пол — жира на них больше, чем на городской стене Кайфына, и ты собираешься поселить нас здесь? Это то место, за которое ты платишь три гуаня в месяц?

Тань Чжифэн с беспомощным видом вышел, за ним следовал высокий юноша в зелёном халате. Он уламывал хозяина, заложил всё своё имущество и даже продемонстрировал один из своих талантов, чтобы тот согласился сдать ему дом на месяц. Если к концу месяца он не сможет заплатить за полгода вперёд, им придётся немедленно убираться.

Тань Чжифэн и юноша вдвоём установили у входа деревянную вывеску, обращённую к выходу из переулки. В открытой двери девушка с причёской из двух пучков, одетая зимой в персиковую газовую рубашку, скрежеща зубами, тёрла стену щёткой для лошадей, и казалось, вот-вот снесёт эту стену.

— Сестрица Чжочжо, такой гнев вреден для печени, — за спиной девушки стоял тот самый крепкий мальчик. Он тоже старательно мыл пол, но грязи было так много, что вылитое ведро воды, дотекая до порога, становилось чёрным. — И-и говорит, что если так будешь злиться, то к следующей весне все листья потеряешь, и тогда, когда станешь человеком, у тебя не будет волос...

Эти слова привели девушку по имени Чжочжо в ярость. Она обернулась,хватила у мальчика ведро и выплеснула воду за дверь. Снаружи Тань Чжифэн как раз говорил юноше: «И-и, эта штука выглядит как-то криво. А с этой подставкой и надписью "Чжифэн" сверху, похоже на...»

— ...Похуже на могилу, — искренне ответил И-и, бросив взгляд на вывеску.

Не успел он договорить, как на него обрушилось ведро холодной воды. В этом всплеске была вся накопившаяся за последние дни ярость девушки Чжочжо на их безнадёжное положение. Вода окатила и Тань Чжифэна, и юношу, стоявших у входа.

— А! Чжочжо, ты сумасшедшая! — И-и наконец-то тоже потерял самообладание. Страхивая себя воду, он ворвался в дом, и началась настоящая драка. Изнутри донёсся грохот — это оставшиеся несколько столов и стульев разлетались на куски.

— Прошу прощения... — Тань Чжифэн, прикидывая в уме убытки и размышляя, не пожертвовать ли немного духовной силы, чтобы высушить одежду, вдруг услышал за спиной незнакомый голос: — Вы... новенькие?

Тань Чжифэн вздрогнул, подумав: «Хорошо, что я сдержался. А то увидел бы он, как вода на мне мгновенно испаряется, неизвестно, не бросился бы бежать и звать из храма Дасянго людей ловить демонов...»

Он обернулся и увидел стоявшего за ним юношу лет шестнадцати-семнадцати, накинувшего толстый халат из золотой парчи. Длинная рубаха под ним была небрежно подпоясана шёлковым шнурком, а сам он стоял у двери с сонным видом. Кожа у него была не очень светлая, лицо квадратное, с двумя мечевидными бровями и большими чёрными глазами. Он был высок, черты лица правильные, вот только выражение лица было несколько угрюмым.

Юноша, увидев Тань Чжифэна, заметно удивился, и сонливость тут же прошла. Он выпрямился, неловко улыбнулся, сначала поклонился, а затем, указав в сторону, сказал: «Меня зовут Чэнь Цин, второе имя Цзыцзинь. Я студент Института Гуанвэнь, живу напротив».

Тань Чжифэн вытер лицо, поклонился в ответ и сказал: «Моя фамилия Тань». Затем он похлопал по капающей деревянной дощечке рядом с собой: «Зовут Тань Чжифэн».

— Утром проснулся, почувствовал напротив очень приятный запах, — сказал Чэнь Цин, снова покраснев. — Подумал, что здесь открылась закусочная. Раньше тут продавали масляные лепёшки, но потом старик Чжан умер, и долгое время никто не жил.

— Что?! — выскочила из дома Чжочжо. — Так это ещё и дом с привидениями... Ой... Чжифэн, кто это?

— Нет-нет, — поспешил объяснить Чэнь Цин. — Он не здесь умер, а у себя на родине. Уехал и не вернулся, а потом дошли слухи, что он скончался. Ему было за шестьдесят, возраст, можно сказать, умер своей смертью.

— Это Чэнь Цин, Чэнь Цзыцзинь, — сказал Тань Чжифэн, видя, что Чжочжо собирается сказать что-то ещё, и поспешил представить его трём стоявшим у двери: — Студент Института Гуанвэнь. А это трое моих...

— Ого, господин Чэнь! — глаза Чжочжо заблестели при виде красивого Чэнь Цина. — Мы все здесь помогаем в лавке. Меня зовут Чжочжо... — сказав это, она указала на юношу в зелёном халате и мальчика: — Дылду зовут И-и, а этого ребёнка — Чанчан.

Чэнь Цин был в недоумении: «Господин Тань, имена у ваших слуг весьма необычные...»

Не успел Чэнь Цин договорить, как в его животе заурчало.

Тань Чжифэн, представляя себе ужасное состояние лавки, лихорадочно придумывал выход и сказал: «На самом деле, лавка ещё не открылась, но на кухне есть еда. Если... если хотите, заходите поесть, я с вас денег не возьму».

Донеслись тонкие ароматы, и Чэнь Цин, не раздумывая, кивнул: «Достаточно будет горячего риса, чтобы набить желудок. Мне ещё нужно в Институт Гуанвэнь на лекцию».

Сказав это, он снова закутался в халат и с удивлением посмотрел на них: «В такую погоду, вам что, не холодно?»

И-и первым пришёл в себя, поправил свой зелёный, развевающийся на ветру халат, гордо поднял голову и, не сказав ни слова, вошёл в дом.

Чанчан с удивлением посмотрел на свою коричневую короткую одежду: «Спасибо за заботу, мне не холодно».

Глаза Чжочжо забегали: «Мне вдруг стало так холодно... Господин Чэнь, не одолжите ли свой ватник накинуть?..»

Тань Чжифэн глубоко вздохнул: «Господин Чэнь, не обращайтесь внимания. Мы тут в лавке работали, здесь давно никто не жил, убираться очень утомительно, вот и вспотели все».

Чэнь Цин колебался, не зная, снять ли ватник и отдать Чжочжо, но Тань Чжифэн уже остановил его: «Не нужно, не нужно, проходите скорее».

Чэнь Цин последовал за Тань Чжифэном в этот маленький и ветхий с виду домик. Деревянная вывеска у входа нелепо торчала, вода на ней почти превратилась в лёд. Но стоило ему откинуть тёмно-синюю хлопковую занавеску и войти внутрь, как он замер. Внутри было очень тепло, не чувствовалось ни малейшего холода. Теперь Чэнь Цин, казалось, нашёл ответ на свой вопрос: «Оказывается, внутри так уютно?»

Тань Чжифэн указал рукой. Эта небольшая комната была разделена наполовину стеной, в которой было проделано отверстие, где ярко горел огонь. К тому же, утреннее солнце светило через передние и задние окна, делая всё помещение свежим и светлым. Чэнь Цин тут же покрылся лёгкой испариной и снял свой ватник.

Стены уже не были жирными, как утром, когда Чжочжо отчаянно их тёрла, а были чистыми и приятными для глаз. На них висели деревянные дощечки, которые, словно колокольчики, тихонько покачивались от ветра, ворвавшегося при открытии двери.

Слева была стойка для расчётов, а справа у стены стояли четыре-пять деревянных столов. Столы были неправильной формы, но их поверхность была ровной, покрытой слоем прозрачного лака, который сохранял естественную форму и текстуру дерева, наполняя воздух лесным ароматом. У каждого стола стояло по четыре стула, сделанных из деревянных пней, на срезах которых отчётливо виднелись годовые кольца.

В углах, у столов, стояли маленькие горшочки с разнообразными цветами и травами. Изумрудная зелень украшала помещение, делая его похожим не на таверну, а на маленький цветочный сад. В конце комнаты была узкая лестница, ведущая наверх, где, по-видимому, были жилые комнаты.

Чэнь Цин, полный изумления, всё ещё неподвижно стоял у входа. Тань Чжифэн, уже направлявшийся в заднюю часть дома, обернулся и посмотрел на трёх «слуг», сидевших за столом и подперев щеки руками, смотревших на Чэнь Цина. Наконец, он не выдержал: «Чжочжо, И-и, вставайте, обслуживайте гостя! Чанчан, пойдём со мной назад, поможешь!»

— О! — троица, словно очнувшись ото сна, поспешно вскочила из-за стола и принялась за работу.

Тань Чжифэн оглянулся на своё творение, и на его губах появилась улыбка. Подойдя к очагу, он снял большую деревянную крышку и заглянул внутрь. Каша в котле тихонько булькала, рисинки разварились, но ещё не превратились в кашу, вода и рис смешались, создавая мягкую и нежную консистенцию. Сверху плавала тонкая плёнка рисового отвара, источая аромат.

Похоже, каша была в самый раз.

Тань Чжифэн закатал рукава и начал ложкой разливать готовую кашу. Затем он вытер руки, поставил миску с кашей на деревянный поднос и уже хотел попросить Чанчана отнести её, но вдруг вспомнил, что несколько дней назад сушил побеги бамбука. Он велел Чанчану найти их, а сам нарезал бамбук тонкими полосками и выложил на маленькую тарелку.

Чтобы выказать уважение первому клиенту, Тань Чжифэн сам вынес поднос. Подойдя к столу, он увидел, что Чэнь Цин прислонился к стене, нахмурившись, и выглядел явно удручённым. Кроме голода, его, казалось, что-то беспокоило.

Как только каша и бамбук оказались перед Чэнь Цином, мрачность с его лица мгновенно исчезла. Он схватил миску с кашей и, размахивая ложкой, под удивлённым взглядом Чжочжо проглотил её, а затем поставил миску на стол: «Хозяин, можно ещё миску?»

Тань Чжифэн уже вернулся на кухню. Чанчан, прислуживавший в зале, тут же побежал за второй порцией каши. Только тогда Чэнь Цин заметил на столе побеги бамбука, взял палочками немного, попробовал. В лёгкой солёности чувствовался аромат цветочного мёда. Его глаза заблестели, и вскоре он съел всю тарелку бамбука.

Итак, Чанчан поставил кашу, побежал за бамбуком, принёс бамбук, а миска Чэнь Цина уже была пуста. На третий раз Чэнь Цин наконец взял у Чжочжо белую хлопковую салфетку, вытер рот и сказал: «Наелся».

Тань Чжифэн вышел из-за кухни. Увидев, что лицо Чэнь Цина слегка покраснело, на лбу выступил пот, а само оно обрело присущий юноше здоровый вид и блеск, он с улыбкой сказал: «Ну вот, теперь можно спокойно идти учиться».

<http://bllate.org/book/14942/1323799>